

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Г. Циплаков

НОВЫЙ ЛЕВИС КАРОЛЬ

Я об этом на греческом Вам говорил,
На немецком, китайском, иврите. –
Но, увы! Я, признаться, совсем позабыл
То, что Вы на них НЕ говорите!

В дневниковых записях Даниил Хармс называл Льюиса Кэрролла одним из самых талантливых писателей мира. Получить такую характеристику из уст пересмешника Хармса очень лестно, хотя эта оценка понятна – известный поэт-обэриут заимствует у Кэрролла многие приемы, его творчество также располагается в реальности абсурда. Иногда Хармс транскрибирует имя английского писателя непривычно для современного русского уха – «Левис Кароль» называет он его, и в таком именовании есть своя правильность, правильность абсурда.

Мне иногда кажется, что Вильям Шекспир – совсем не тот человек, что *William Shakespeare*. Не то чтобы он ниже или бледнее – дело не в степенях сравнения. Он просто другой. Он существует в измерении иного языка, и жизненные проблемы у него не те, чем у его британского прототипа. И Оскар Уайльд – другой человек, отличный от *Oscar Wild*. Если признать это в самом начале, то художественный перевод обречен на интерпретационную неравнозначность. Переводчик на русский язык не старается максимально приблизиться и слиться с *Bernard Shaw*, он жаждет разгадать тайну Бернарда Шоу.

Сплошь и рядом слышишь сетования специалистов. «Ах, Иван Бунин! Как неверно он перевел “Песнь о Гайавате”! Он так романтизировал Лонгфелло! Ах, пастернаковский перевод “Фауста” совершенно не соответствует Гете! Ах Маршак! Он превратил Блейка в детского поэта!» Но кто бы знал о Лонгфелло в России, если бы не романтическое истолкование Бунина? Кто бы из россиян любил Блейка, если б не «детский» перевод Маршака? Знатoki возмущаются: такими переводами невозможно пользоваться при научном анализе! Хочется возразить: а нужно ли вообще пользоваться переводами при научном анализе? Не лучше ли обратиться к оригиналу или подстрочнику?

Перевод – нонсенс по самой своей природе. Полная бессмыслица. И уж точно существует не для мрачных литературознатцев. Более того, он существует не для ученых вообще. С точки зрения дидактичной науки подлинник – совершенство, а перевод, как это ни грустно, реплика, копия, а значит, обречен быть хуже. Это серьезно, а с серьезностью не считаться нельзя. Переводчик художественных текстов старается, чтоб не было хуже. Однако понимает, что стремится к иллюзии, призраку, нонсенсу. Как добиться нонсенса?

Только одним способом – сделать слегка выпуклым то, что в реальности было чуть в стороне. И превращается Льюис Кэрролл в Левиса Кароля. Перевод – трансформация, цирковой трюк, артефакт. Наука не терпит ни артефактов, ни цирковых трюков.

Впоследствии (после Хармса) «Приключения Алисы...» Кэрролла будут много переводить. И – опять *реникса* – переводы будут настолько непохожими один на другой, что если читать только их, возникнет сомнение: а существовал ли в действительности английский писатель, или он тоже нонсенс, как и его переведенные тексты. Может, его не существовало, как Шекспира? Может быть, Кэрролл – такая же литературная мистификация, как наш Козьма Прутков? И выдумали его русские переводчики? В годы «железного занавеса» английский подлинник «Алисы» воспринимался рядовыми читателями как метатекст (то, что все переводят, о чем спорят, но чего не существует на самом деле).

«Малые» тексты Кэрролла стали известны русскому читателю сравнительно недавно. Переводить их и проще, и сложнее. Проще – поскольку уже есть традиция перевода кэрролловских произведений и нонсенса вообще. Сложнее – поскольку большинство из них написаны стихами, причем эксплуатируют множество игровых стихотворных форм. Как, спрашивается, переводить акrostихи или пародии на «Nursery Rhymes»? В этом ряду «Охота на Снарка» (1872) занимает особое место.

«Переводить нонсенс (а уж того более абсурд) – задача трудная, требующая не только смелости, склонности к словесным играм, совершенно особого чувства юмора, неординарного взгляда на жизнь, иронии и отстраненности, но и своеобразной – и весьма крепкой – логики. Ведь нонсенс – это не отсутствие смысла, как думают некоторые, а бессмыслица особого рода, в которой проглядывает свой смысл, не совпадающий со смыслом банальным, обыденным, замкнутым четырьмя стенами “здорового смысла”», – пишет известная исследовательница и переводчик Кэрролла Н. Демурова¹. В своей статье она анализирует четыре перевода «Охоты на Снарка» – Г. Кружкова, Е. Ключева, И. Липкина, Л. Яхнина. И добавляет в примечаниях, что отечественная история охоты за Снарком этими переводами отнюдь не исчерпывается.

Зачем же переводить «Снарка» еще раз? Чем предлагаемый читателю перевод Дениса Жердева отличается от уже существующих? Думается, этот перевод наиболее логичный из всех. Имеется в виду, конечно, абсурдистская логика. Для Дениса Жердева охота на Снарка не игра. Он повествует о ней без доли иронии, всерьез, так рассказывают героинко-романтическую сагу с несчастливым концом. И это, разумеется, не случайно.

Имена основных персонажей этой истории, как известно, начинаются со второй буквы английского алфавита – буквы *B*. Денис Жердев, как и другие переводчики, проявляет чудеса изобретательности и логичности, чтобы сохранить эту особенность. И в этом направлении обнаруживаются явные находки. Для тех, кто не знаком с другими переводами или подлинником, необходимы некоторые комментарии.

Предводителя команды «охотников» именуют *Bellman*, что в буквальном переводе означает «глашатай», а в калькированном – «человек с колоколом». И на иллюстрациях к кэрролловскому изданию он изображается в тельняшке и с колокольчиком в руке. По версии Д. Жердева, его следует именовать *Боцман*. Интересно, что, сам того не подозревая, Д. Жердев оказался созвучен здесь другому переводчику, Е. Ключеву, предлагавшему более шуточный вариант – *Бомцман*. При таком подходе Беллман теряет свою «велеречивую» составляющую, зато очень красиво обыгрывается составляющая «колокольню-морская». Впрочем, с последовательной и принципиальной многословностью этого персонажа читатель сталкивается с первых строк.

Ряд героев имеет свои прямые аналогии на русском языке. *Бобер*, *Булочник*, *Биллиардный маркёр*, *Брокер*, *Банкир* появились в результате прямого перевода с английского и сохранили в своих именах заветную букву «Б». А *Boots*² – персонаж исключительно английского быта (аналогом был бы русский *Половой*), таковым и остался, преобразовавшись

в *Боя гостиничного*. Есть и эквивалентные решения «от противного» – так, *Master of Bonnets and Hoods*¹ стал *дамским Башмачником*. Подлинными переводческими удачами можно считать перевод имен таких персонажей, как *Barrister* (Адвокат) и *Butcher* (Мясник). Первый стал *Бюрократом*, второй – *с бойни Бойцом*.

И вот эта разбитная компания, гордо именуемая себя «экипажем» (благо, английское *crew* можно толковать по-всякому) отправляется на поиски таинственного Снарка. Путешествие выбрано не из легких, и, следуя логике абсурда, сразу объявлю о развязке: никакого Снарка они не найдут, а для кого-то из членов экипажа путешествие станет последним.

Переводчик хмурится, гневается, пугается, переживает и очень редко улыбается, совсем как персонажи Кэрролла. Он совсем не позволяет себе сюсюкающих интонаций, мол, посмотрите, как тут все беззаботно и по-детски. Куда уж беззаботней, когда произведение имеет подзаголовок, кстати, очень четко определяющий жанр: «*an Agony in Eight Fits*»⁴. Жердев пользуется не традиционным значением слова *agony*, а неологизмом – «агоний». Здесь слышится не только «агония», но и греческий «агон», т. е. трагическое «состязание». Тем самым происходящему придается пафос вселенской борьбы и одновременно налет интеллектуализма. На мой взгляд, так и есть, сюжет «Снарка» – греческая трагедия, рассказанная языком английского нонсенса.

¹ Демурова Н. О степенях свободы. Перевод имен в поэме Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» // Альманах переводчика. М., 2001. С. 45.

² Коридорный, слуга (англ.).

³ Мастер по дамским шляпкам (англ.).

⁴ Дословно: «Агония в восьми...». Слово *fit* с английского можно переводить по-разному: это и «припадок», и «приступ», и «порыв», и «вспышка эмоций». Соответственно переводчики используют разные подходы к определению жанра произведения.

Л. Кэрролл

ОХОТА НА СНАРКА

Агоний в восьми порывах

Порыв первый

Высадка

«Здесь убежище Снарка!» – так Боцман кричал,
Выгружая команду любезно
(Он за волосы каждого крепко держал,
Чтоб никто не обрушился в бездну).

«Здесь убежище Снарка! Применим повтор,
Чтоб надеждой зажечься могли вы!
ЗДЕСЬ УБЕЖИЩЕ Снарка! Твержу с давних пор:
Все, что сказано трижды, – правдиво!»